

Цена пророчества

*Cha
Yan Izzy*

Cha Yan Izzy

Цена пророчества

«Автор»

2026

Izzy C.

Цена пророчества / С. Izzy — «Автор», 2026

Цена пророчества— мрачное эпическое фэнтези о цене выбора, тяжести клятв и человеке, который отказывается сдаваться, даже когда мир вокруг рушится. Древняя Печать, сдерживающая демонов Хаоса, трещит по швам. Небо на востоке горит багровым заревом, люди бегут на запад, а в старом замке Эрданмур рыцарь Эйдан— третий Страж Печати за десять лет — судорожно ищет ответы в пыльных манускриптах. Ответов нет. Есть только пророчества, которые ничего не объясняют, и обломок старого меча, найденный семь лет назад. Когда у стен замка появляется ведьма, служившая Хаосу, Эйдан оказывается перед выбором: нарушить клятву и получить шанс спасти мир — или сохранить честь и потерять всё. Он выбирает первое. И с этого момента его путь предreshен. Впереди — Молчащий Холм, где Хранитель не задает простых вопросов. Ледяные горы, где дух пожирает любовь, а не плоть. Мертвый город, где живые стоят в ожидании бога. И сама Трещина — рана в теле мира, которую можно закрыть только ценой, о которой не говорят вслух.

© Izzy C., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ведьма во рву	5
Глава 2. Дорога на восток	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Cha Yan Izzy

Цена пророчества

Глава 1. Ведьма во рву

Серый рассвет сочился сквозь узкие бойницы замка, словно вода сквозь треснувший кувшин. Рыцарь Эйдан стоял у окна, глядя на восток, где над Черными холмами поднималось багровое зарево — не рассветное, нет. Такое зарево бывает, когда горит небо.

Третью ночь подряд.

Он потер переносицу. Пальцы пахли пылью старых манускриптов, чернилами и воском — запах бессилия. Вчера он перерыл архив до последнего свитка, но нашел лишь то, что уже знал: Печать слабеет, пророчества туманны, а герои, которым положено спасти мир, то ли не родились, то ли передохли от чумы в позапрошлом году.

— Проклятие, — произнес он негромко.

Эхо разнесло слово по залу, отразив от каменных сводов. Словно сам замок был с ним согласен.

Замок Эрданмур — древняя твердыня, сложенная еще до того, как люди научились записывать свои имена. Стены его поросли мхом толщиной с ладонь, башни покосились, но держались — из чистого упрямства. Внутри пахло сыростью, старым деревом и чем-то еще, чему Эйдан так и не нашел названия за семь лет службы. Может, это был запах самого времени.

Он отвернулся от окна. На столе горела одинокая свеча, отбрасывая пляшущие тени на разбросанные свитки. Среди них лежал обломок меча — старого, зазубренного, со стертой гравировкой. Эйдан не помнил, откуда он взялся. Помнил только, что нашел его в первый день, когда приехал в Эрданмур, и с тех пор не выбрасывал. Суеверие, недостойное рыцаря. Но что-то в этом обломке было... неправильное. Или правильное. Он так и не решил.

Эйдан был рыцарем Печати — третьим по счету за последние десять лет. Первый сошел с ума, второй сбежал. Третий пока держался, но каждую ночь просыпался от одного и того же сна: трещина в небе, и из нее смотрит что-то, у чего нет глаз, но есть взгляд.

Он не считал себя избранным. Скорее — последним дураком, которому не хватило ума отказаться от назначения. Когда ему предложили этот пост, он был молод и верил, что служба у Печати — великая честь. Теперь он знал: это не честь. Это приговор. Но кто-то должен сидеть в этом замке. Кто-то должен смотреть на зарево над Черными холмами и делать вид, что еще есть надежда.

Надежды не было. Поэтому он искал ведьму.

Весть о ней принес мальчишка-пастух два дня назад. Оборванный, грязный, с безумными глазами, он ворвался в ворота и закричал, что во рву, у восточной стены, лежит женщина.

«Старуха, — хрипел он, — старуха, но глаза у нее... глаза!» Что было с глазами, мальчишка объяснить не смог — только трясся и крестился.

Эйдан тогда не пошел. Мертвые бродяги у стен замка — не редкость в эти времена. Но сегодня, глядя на багровое небо, он вспомнил этот рассказ. И что-то шевельнулось в груди — не то предчувствие, не то отчаяние, принявшее форму надежды.

Он накинул плащ, взял факел и вышел.

Ров был сухой — воды в нем не было уже лет пятьдесят. На дне, среди битого камня и сухой травы, привалившись спиной к замшелой стене, сидела женщина.

Она была стара — так стара, что возраст перестал иметь значение. Морщинистое лицо напоминало кору древнего дуба, седые волосы спутались в неопрятный узел. Одежда — лохмотья, местами опаленные. На запястьях — следы веревок. На щиколотках — тоже.

Но глаза...

Глаза у нее были как у девчонки. Ясные, серые, спокойные. И смотрели они на Эйдана так, словно она ждала его с самого сотворения мира.

— Пришел-таки, — сказала она. Голос был хриплый, но не старческий. Скорее усталый. — А я уж думала, придется еще ночь здесь сидеть.

Эйдан остановился в нескольких шагах. Положил руку на рукоять меча — не то чтобы угрожая, скорее по привычке.

— Ты ведьма.

— А ты рыцарь. Что ж, мы представились. Может, поможешь старухе подняться?

Он не двинулся.

— Мне сказали, ты лежала без движения два дня.

— Лежала. Отдыхала. Те, кто тащил меня сюда, были не слишком вежливы. А дорога была дальняя. — Она усмехнулась, показав кривые, но удивительно белые зубы. — Не бойся, рыцарь. Я не кусаюсь. По крайней мере, без необходимости.

Эйдан помедлил, потом все же шагнул вперед и протянул руку. Ведьма ухватила за нее цепко, как птица когтями, и легко, слишком легко для своего возраста, поднялась на ноги. Ростом она оказалась едва до его груди.

— Ну вот, — сказала она, отряхивая лохмотья. — А теперь, может, пригласишь меня внутрь? Разговор предстоит долгий. А у тебя, насколько я понимаю, очень, очень много вопросов.

— Каких вопросов? — спросил Эйдан, хотя уже чувствовал, как внутри все сжимается в тугую узел.

Ведьма посмотрела на него — и вдруг стала серьезной. Исчезла усмешка, исчезло лукавство. Осталась только усталость, глубокая, как пересохший колодец.

— Вопросов о Печати, рыцарь. О трещине, которая растет с каждым днем. О том, что смотрит на тебя по ночам. — Она подняла голову к небу, туда, где догорало багровое зарево. — О том, почему небо горит, хотя солнце еще не встало.

Он привел ее в замок. Не потому что поверил. А потому что терять было нечего.

Они сидели в малом зале, у камина, который Эйдан разжег сам — слуг в замке не было, только старый конюх, который к полудню обычно напивался и засыпал на сеновале. Ведьма протянула к огню ноги, босые и покрытые шрамами, и блаженно зажмурилась.

— Хорошо, — прошептала она. — Хорошо...

— Кто ты такая? — спросил Эйдан. Он стоял у стола, скрестив руки, и смотрел на нее сверху вниз.

— Имя не важно. Можешь звать меня Ворона. Так меня звали... давно.

— Почему ты была во рву?

— Потому что кое-кто не хотел, чтобы я дошла до этого замка. — Она открыла глаза. — Меня ждали, рыцарь. Точнее, не меня. А того, кто должен был тебя предупредить. Но я опередила. Всего на день. Или на два. Теперь они знают, что я здесь.

— Кто — они?

— Те, кто устал ждать и хочет открыть Печать.

Эйдан промолчал. Он думал. В голове роились обрывки пророчеств: «Когда небо истечет кровью на востоке, встанет тот, кто держит ключ...», «Не бойся тени за плечом...», «Печать падет от руки не врага, но стража...» Все это он читал так часто, что выучил наизусть. Но ни одно не давало ответа.

— Печать слабеет, — сказал он наконец. — Это я знаю и без тебя. Что мне нужно знать — как ее укрепить.

Ведьма покачала головой:

— Укрепить нельзя. Слишком поздно. Ее можно только... перековать. Заново. Но для этого нужны вещи, которых у тебя нет.

— Какие?

— Вот так сразу? — Она усмехнулась. — Я два дня пролежала во рву, рыцарь. Я голодна. Я замерзла. И я не в том настроении, чтобы раздавать знания бесплатно.

Эйдан сдержал раздражение. Обошел стол, сел напротив.

— Чего ты хочешь?

Ворона смерила его долгим, оценивающим взглядом. Таким, каким торгаши оценивают лошадь на ярмарке.

— Ты знаешь, что такое Клятва Печати? — спросила она.

— Знаю. Я ее давал.

— Дословно помнишь?

Он нахмурился:

— «Клянусь хранить Печать до последнего вздоха. Клянусь не открывать ее ни словом, ни делом, ни помыслом. Клянусь не поддаваться тем, кто зовет с той стороны...»

— «...и не вести переговоров с теми, кто служит Хаосу», — продолжила ведьма. — Последнюю часть часто опускают, не так ли? В современных редакциях.

Эйдан молчал.

— А ведь это важно, — Ворона наклонилась вперед, и огонь отразился в ее молодых глазах, сделав их на миг похожими на два раскаленных угля. — Очень важно. Потому что я, рыцарь, и есть та, кто служит Хаосу. Или, скажем так, служила. И любая помощь, которую я тебе окажу, будет нарушением твоей клятвы.

Тишина. Только дрова потрескивают в камине.

— Ты хочешь, чтобы я нарушил клятву, — произнес Эйдан медленно.

— Я хочу, чтобы ты понял цену. — Она откинулась на спинку кресла. — Информация, которая тебе нужна, не дается просто так. За нее нужно заплатить. И не золотом, не серебром. А чем-то, что действительно дорого. Твоей честью, например.

Эйдан встал. Подошел к окну. Зарево на востоке стало ярче — или ему показалось?

— Почему ты мне это говоришь? Почему просто не соврала? Сказала бы, что ты добрая отшельница, и я бы ничего не узнал.

Ворона тихо рассмеялась:

— Потому что клятва, рыцарь, работает не так. Она не зависит от того, знаешь ты или нет. Она зависит от того, что есть на самом деле. Если ты примешь мою помощь — ты нарушишь клятву, даже если будешь считать меня святой. Магия видит суть, а не слова.

— И что будет, если я нарушу клятву?

— А вот это хороший вопрос. — Ведьма посмотрела на свои ногти — длинные, желтые, потрескавшиеся. — Клятва Печати скреплена старыми богами, а они не прощают. Ты потеряешь все, что делает тебя рыцарем. Твоя рука забудет, как держать меч. Твое имя сотрется из памяти людей. Ты станешь изгоем, проклятым, тем, кому не подадут руки и не нальют воды. Это если кратко.

— А если я откажусь?

— Тогда уйдешь от меня ни с чем. И Печать падет. Может, не завтра. Может, через месяц. Но падет. — Она развела руками. — Выбор за тобой.

Эйдан смотрел на багровое небо. Трещина. Он не видел ее, но чувствовал — где-то там, далеко на востоке, в горах, которые называли Костяным Хребтом, древняя магия умирала, как догорающая свеча. И когда она умрет, в мир хлынет то, что нельзя будет остановить.

Он обернулся.

— Что именно ты знаешь?

Ворона улыбнулась. Улыбка была недобрая, но и не злорадная. Скорее — печальная.

— Я знаю, где найти Ключ. Один из тех, что нужны для перековки. Меч, который когда-то разбил Печать в первый раз. Его обломки разбросаны по миру, но я знаю, где лежит первый. Если соберешь все... есть шанс.

— Шанс?

— Шанс — это больше, чем у тебя сейчас.

Эйдан медленно вернулся к столу. Положил ладони на холодную столешницу. Перед ним лежал обломок старого меча — тот самый, который он нашел в свой первый день в Эрданмуре. Он смотрел на него и молчал.

— Я вижу, ты уже понял, — тихо сказала Ворона.

Он поднял на нее взгляд:

— Что?

— Что этот обломок — часть Ключа. Я чувствую его. Он пахнет старой кровью и пеплом. — Она наклонилась. — Ты семь лет сидел на ответе, рыцарь. Не зная об этом.

Эйдан взял обломок в руку. Металл был холодным. Или нет — он показался ему теплым. Как будто спал. Или ждал.

— Так что, — спросила ведьма, — будем торговаться?

Он молчал долго. В камине догорело полено и рассыпалось снопом искр. В тишине было слышно, как где-то на стенах замка кричит одинокая птица — ворон или ворона.

— Что ты хочешь, кроме моей клятвы? — спросил он наконец.

— Ничего. Только это. — Ворона подняла на него глаза, и в них блеснуло что-то, похожее на сочувствие. — Ты должен понимать: нарушив клятву, ты отдаешь больше, чем честь. Ты отдаешь право быть похороненным в этом замке. Право называться стражем. Право... быть собой.

— А ты? Что получишь ты?

— Мне нужно, чтобы Печать устояла. — Она отвернулась к огню. — Я устала, рыцарь. Я служила Хаосу так долго, что забыла, с чего начинала. Но теперь... теперь я хочу, чтобы все это закончилось. Пусть даже ценой твоей проклятой души.

Он смотрел на нее. Ведьма, служившая Хаосу. Та, с кем ему запрещено даже разговаривать. И она была здесь, в его замке, перед его камином, и предлагала ему сделку.

Сделку, которая уничтожит его.

И, возможно, спасет мир.

— Мне нужно подумать, — сказал он.

— Думай. — Ворона закрыла глаза. — Только не слишком долго. Время, знаешь ли, убывает.

Эйдан вышел на стену. Ветер с востока приносил запах гари — так пахнет, когда горит не только небо, но и что-то живое. Внизу, во дворе, старый конюх тащил ведро с водой, шатаясь с похмелья. На западе, над лесами, собирались тучи — черные, тяжелые, словно небесные мельницы, перемалывающие надвигающуюся бурю.

Он подумал о своей клятве. О словах, которые произносил десять лет назад, стоя на коленях перед алтарем Печати. Тогда они казались ему простыми и правильными. Хранить. Не открывать. Не вести переговоров. Что может быть легче?

Теперь он знал, какова цена простых слов.

Он вспомнил лицо второго стража Печати — рыцаря по имени Бран. Тот бежал спустя три года службы. Говорили, он ушел на север, в ледяные пустоши, и там то ли умер, то ли стал отшельником. Эйдан презирал его. Теперь понимал: бегство — это, возможно, было самым разумным из того, что сделал Бран.

Но сам он не побежит. Потому что кто-то должен смотреть на восток и видеть, как умирает небо.

Кто-то должен принимать решения.

Он вернулся в замок. Ворона сидела все так же, у камина. Не глядя на него, она произнесла:

— Решился?

— Да.

Она повернула голову. В ее молодых глазах плясал огонь.

— И?

Эйдан сел напротив. Огонь отбрасывал тени на его лицо, и он выглядел старше своих тридцати с небольшим лет. Таким старым, словно прожил сотню жизней — и все они привели его к этому моменту.

— Я согласен.

Ворона не улыбнулась. Только кивнула.

— Я знала, что ты согласишься. Ты из тех, кто выбирает мир, а не себя. — Она подняла руку, и воздух между ними задрожал. — Да будет так. Клятва нарушена. И да простят тебя старые боги, если им есть до этого дело.

Эйдан почувствовал, как что-то оборвалось внутри. Не боль. Скорее — пустота, внезапная и глубокая. Как будто часть его души вынули и положили на холодный каменный пол.

— Теперь слушай, — сказала Ворона. — И запоминай. Путь будет долгим, а карты у меня нет. Но я расскажу тебе, куда идти.

Она говорила до рассвета. Эйдан слушал, не перебивая. Зарево на востоке разгоралось все ярче.

Когда она закончила, он встал и начал собираться.

— Значит, я отправляюсь в путь, — сказал он, затягивая ремни. — А ты?

— А я останусь здесь. — Ведьма устроилась у камина, накрывшись его плащом. — Замок пуст, в замке тепло, а я только два дня пролежала в канаве. Мне нужен отдых.

— Ты уверена, что тебя не найдут?

— Найдут. — Она закрыла глаза. — Но не сразу. А я умею не только торговаться. Иди, рыцарь Эйдан. Иди и помни: ты больше не страж Печати. Ты — осквернитель клятвы. Но, возможно, именно таким тебя запомнят. Если повезет.

Эйдан вышел на рассвете. Небо над Черными холмами полыхало, и в этом свете его лицо казалось выкованным из меди.

На поясе висел меч, в седельной сумке лежал обломок Ключа. Впереди был долгий путь.

Сзади, в замке Эрданмур, осталась ведьма, которая знала больше, чем сказала.

А за спиной, там, где восток встречался с горизонтом, трещина в небе становилась все шире.

— --

Глава 2. Дорога на восток

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.